

**НАЗВАНИЯ ДНЕПРОВСКИХ ПОРОГОВ “ПО-РОССКИ”  
В “DE ADMINISTRANDO IMPERIO”  
КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО:  
ОСОБЫЙ СЛУЧАЙ ПЕРЕВОДА С ГРЕЧЕСКОГО НА ГРЕЧЕСКИЙ**

Сопоставление рассказа Константина Багрянородного в “De administrando imperio” о росах<sup>1</sup> с сообщениями арабских и латинских историков позволяют по-новому взглянуть на вопрос о днепровских порогах в гл. 9 De adm., название которых до сих пор оставалось одним из основных аргументов в более чем двухвековой полемике вокруг гипотезы о скандинавском происхождении, как названий порогов “по-росски”, так и самого греческого имени οἱ Ῥῶς. Основанием для упомянутой дискуссии стало то, что Константин Багрянородный приводит не по одному, а по два названия почти для всех порогов – одно “по-росски” (ῥωβιστί), а другое “по-словенски” (σκληβηνιστί), считая их взаимопереводными, из чего часть исследователей сделала формально-логический вывод, что Константин Багрянородный считал “росов” не славянами, и скорее всего, скандинавами<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Greek text ed. by Gy. Moravcsik. Engl. Transl. by R.J.H. Jenkins. Washington, 1967 (Vol. I), (Budapest, 1949); Vol. II / Commentary by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. London, 1962; Константин Багрянородный. Об управлении империей / Текст, перевод, комментарии. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991; Сырцова Е.Н. Текстология древнейших свидетельств о росах: Фотий и οἱ Ῥῶν Константинопольского Типикона IX ст. // Byzantinoslavica, т. LXXI (2013), fasc. 1.*

<sup>2</sup> См.: *Thunmann J. Untersuchungen uber die Geschichte der ostlichen europaischen Völker. Theil 1. Leipzig, 1774, S. 386–390; Томсен В. Начало русского государства. М., 1891, с. 53 sqq. Миллер В.О. Названия Днепровских порогов у Константина Багрянородного // Древности. Труды Московского Археологического общества, 1885, т. V, вып. 1, с. 19–31; Шлецер А.Л. Нестор. Ч. 1. СПб., 1890, с. 390, прим. 382; Шахматов А.А. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919; Bury J.B. The Treatise De administrando imperio // Byzantinische Zeitschrift. Munchen, 1906, bd. II, s. 517–557; Karlgren A. Dneprfossernes nordisk-slaviske navne // Festskrift udgivet af Københavns universitet Anledning af universitetets aarsfest, november 1947. Copenhagen, 1947, S. 1–139; Lehrberg A.C. Untersuchungen zur Erläuterung der älteren Geschichte Russlands. SPb., 1816; Ekblom R. Die Namen der siebenten Dneprstromschnelle // Språkvetenskapliga sällskapets förhandlingar 1949–1951. Uppsala, 1952, B. 9, S. 149–175; Vasmer M. Zu den Namen der Stromschnellen des Dnepr bei Konstantin Porphyrogenetos // Zeitschrift für slavische Philologie, Heidelberg, 1959, Bd. 28, H. 1, S. 98–101; Falk K.O. Dneprforsarnas namn i keisar Konstantin VII Porphyrogenetos’ De administrando imperio. Lundt, 1951; Shevelov G.Y. On the Slavic Names for the Falls of the Dnepr in the “De administrando imperio” of Constantine Porphyrogenitus // Word. New York, 1955, vol. 11, № 4, p. 511–515;*

Вместе с тем, было высказано и небезосновательное несогласие других комментаторов гл. 9 De adm. с подобным, казалось бы, логическим, но лишь на первый взгляд неопровержимым выводом<sup>3</sup>, не получившее, впрочем, до сих пор убедительного для оппонентов этимологического и исторического обоснования, которое позволило бы названиям порогов “по-росски” дать приемлемое пояснение без уже привычного обсуждения давней гипотезы об их скандинавском происхождении и соответствующей этимологии.

Проблема, однако, состояла в том, что названия порогов “по-росски” действительно являются неславянскими, но именно теми, которые были усвоены славянским племенем полян-киян-росов еще со времен переселения на Поднепровье в конце VI – начале VII ст., и потому могли называться “росскими”, а не греческими, которыми они были на самом деле<sup>4</sup>.

Если исходить из того, что поляне двигались на Поднепровье из тех мест за Дунаем, согласно летописцу, “гдѣ есть ныне Угорська земля и Болгарьска”, вероятнее всего южным путем вдоль побережья Понта

---

*Толкачев А.И.* О названии Днепровских порогов Константина Багрянородного в De administrando imperio // Историческая грамматика и лексикология русского языка. М., 1962, с. 29–60; В русле указанной традиции рассмотрения вопроса см. также комментарии современных византинистов и скандинавистов в: De administrando..., II, р. 19–50 (комм. Д. Оболенского); Об управлении..., с. 319–326 (комм. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина).  
<sup>3</sup> *Эверс Г.* Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1–2. М., 1826; *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 2. М., 1912, с. 95–96; *Брим А.А.* Путь “из варяг в греки” // Известия, серия VII. Отдел общественных наук, 1950 (Автор обратил внимание на отсутствие в сагах упоминаний о днепровском пути); *Юшков С.В.* До питання про походження Русі // Наукові записки ін-ту мовознавства АН УРСР. К., 1941, т. 1, с. 145 (исследователь показал, что названия “по-росски” и “по-словенски” не являются взаимопереводаемыми); *Левченко М.В.* Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, с. 210; *Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985, с. 198; Об объяснении названий “по-росски” из нескандинавских языков – славянского (Ф. Дурич), венгерского (И.Н. Болтни) и аланского (А.Г. Кузьмин, М.Ю. Брайчевский) см.: *Фомин В.В.* Начальная история Руси. М., 2008, с. 62–63; *Эверс Г.* Указ. соч., с. 138; *Брайчевский М.Ю.* “Русские” названия порогов у Константина Багрянородного // Земли Южной Руси в IX–XIV вв. История и археология. 1985; *Кузьмин А.Г.* Об этнической природе варягов / К постановке проблемы // ВИ, 1974, № 11, с. 60–74; *Склярченко В.Г.* Русь і варяги. Історико-етимологічне дослідження. К., 2007, с. 90 (автор обосновывает выведение названий “по-росски” из старополабского с “некоторыми кельтскими лексемами”). Согласно обозрению В.А. Мошина, “варягов” и “русь” за годы исследований принимали за норманнов, славян, финнов, литовцев, венгров, хазар, готов, грузин, иранцев, кельтов, евреев и т. д. – *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // Slavica. Časopis po slovanskej filológii. Ročník. Sesit 1–3. Praha, 1931, с. 532–533; *Фомин В.В.* Указ. соч., с. 6.

<sup>4</sup> Этой теме был посвящен доклад автора данной статьи на XX Международном Конгрессе византинистов в Париже, 19–26 августа 2001 года: *Olena Syrtsova.* Onomatologie de Rus' chez Constantin le Porphyrogénète: le cas particulier de la traduction du grec en grec (неопубл.).

Эвксинского к устью Днепра и дальше вверх через пороги к Киевским горам, то они не могли бы не воспользоваться помощью местных проводников, которые были издавна связанными, как и все борисфениты, с греческими апойкиями Северного Причерноморья и могли сохранить знание греческого языка или, по крайней мере, греческой топонимики региона, даже после упадка эллинских полисов, подъема новых империй и появления на Днестре новых “варварских” племен<sup>5</sup>. То есть, речь идет о том, что освоение полянами Днепровских порогов могло иметь определенную предысторию освоения и варианты поименования их древнегреческими колонистами и их грекоязычными преемниками. Поэтому совсем не невероятно, что новоприбывшие в конце VI–VII ст. переселенцы из Иллирика во главе с князем-“перевозчиком” (именно так, очевидно, следует трактовать легенду о полянском князе Кие, род которого стал во главе перемещения полян на Поднепровье) с самого начала могли познакомиться с уже существующими издавна греческими названиями упомянутых порогов. Именно эти старинные греческие названия, усвоенные полянами еще со времен переселения на Днепр, и могли именоваться в трактате Константина Багрянородного названиями “по-росски” в смысле издавна используемых росо-полянами-киянами, без осознания автором того, что эти “росские” названия днепровских порогов есть их древнегреческими наименованиями, о греческом происхождении которых за три столетия поляне могли и забыть, а византийско-ромейские, константинопольские греки – вообще не знать, поскольку, судя по тексту Константина Багрянородного, его информаторам-переводчикам не было понятно, что “росские” названия порогов являются славянской транслитерацией греческих.

То, с чем мы встречаемся в данном случае, – это лингвистически довольно интересная история неузнавания византийскими греками древнегреческих названий днепровских порогов вследствие опосредования знакомства с этими названиями теми переводчиками, которые не знали об их греческом происхождении и воспринимали их в славянском произношении как иноязычные для греков. В результате эта история обернулась парадоксальной ситуацией нескольковекового поиска исследователями скандинавской этимологии старинных греческих названий, а также

<sup>5</sup> Согласно археологическим данным в VI–VII вв. в районе Киева сходились ареалы сразу трех археологических культур: Пражско-Корчацкой, связанной со склавинами, Пеньковской, оставленной антами, и Колочинской, “творцы которой были неизвестны византийским авторам”. – *Сегеда С.* [Рец. на:] *Моця О.* Південна “Руська земля”. К., 2007 // *Філософська думка*, 2008, № 5, с. 160; *Моця О.* Південна “Руська земля”. К., 2007, с. 130–134.

построения аргументации в пользу их балто-скандинавского происхождения на том основании, что приведенное в De adm. определение “по-росски” (ῥωσιστί) было отождествлено ими с определением “по-скандинавски”.

При изменении взгляда не только на вопрос об этимологическом значении отдельных названий порогов “по-росски”, но и на все направление поиска их этимологии, они довольно прозрачно прочитываются как двойная – прямая и обратная – транслитерация с греческого на славянский и уже со славянского снова на греческий. Таким образом, если после осознания особенностей указанного процесса читать названия порогов “по-росски”, как воспринятые полянами-росами в конце VI – начале VII ст. от местных грекоязычных проводников, то название первого порога, записанного у Константина Багрянородного как Ἐσσουτή (De adm. 9. 25), может быть понятым как аог. subj. глагола ἔσσομαι в 3-м лице единственного числа – Ἐσσωθή – в значении порога, который “будет побежден” или “может быть побежден”. При этом предложенное информаторами Константина Багрянородного греческое толкование этого названия μή κοιμᾶσαι (De adm. 9. 25–26) могло появиться вследствие обратного перевода на греческий неточной славянской транскрипции греческого произношения “на слух”, лишь фонетически похожего на славянское “не спи” и его приблизительную греческую транслитерацию Νεσσουτή. В таком виде действительный исходный смысл греческого названия “по-росски” оставался семантически непроясненным. Что касается приведенного в трактате “значения” названия порога “не спи”, то оно не могло быть исходным ни для славянского, ни для иноязычного названия, поскольку, преодолевая этот порог, как поясняется в гл. 9 De adm., росам надо было переносить моносылы на плечах волоком, идя по воде, так, что ни о каком сне, или – метафорически – о невнимательности не могло быть и речи.

Название второго порога “по-росски” – Οὐλβωσί (De adm. 9. 40) – также может быть понятым как старинное греческое наименование в форме деепричастия, производного от значений глаголов ὄλλωσι и βιβρώσκο и прилагательного οὐλβόρος в значении порога “смертельно поражающего”, “поглощающего”<sup>6</sup>.

Название третьего порога “по-росски” – Γελανδρί (De adm. 9. 44) – читается как, возможно, производное от греческих слов γελάω (“смеюсь”) и γελανίς (“тот, что смеется”) в значении шума порога, который напоминает человеку смех, или вероятнее, – от передачи на слух

<sup>6</sup> Bailly A. Dictionnaire grec-fransais / Ed. revue par L. Sechan et P. Chantraine. Paris, 1963, p. 1422, 1369.

греческого названия Ἐλανδρί от гр. ἔλανδρος в значении “того, который забирает людей”<sup>7</sup>.

Названию четвертого порога “по-росски” – Αειφόρ (De adm. 9. 46) – соответствует древнегреческое значение слова ἀειφόρος – “вечнопорождающий”, “вечнонесущий”.

Название пятого порога “по-росски” – Βαρουφόρος (De adm. 9. 58) – на греческом означает “тот, что несет бремя или опасность”.

Название шестого порога “по-росски” в перечне гл. 9. De adm. как Λεάντι (De adm. 9. 62), может быть понятным от греческих слов λεαίνω – “полирую”, “стираю” и λεαντικός (слово встречается у Аристотеля) в значении “полирующий”.

И, наконец, название седьмого порога – Στρούκουν или по другим чтениям Στρούβουν (De adm. 9. 64) может быть производным от греческих глаголов στρομβό-ω или στροβέω-ω и слова ὁ στρόβος в значении – “тот, что закручивает” (воронками), что, очевидно, соответствовало естественным характеристикам этого порога.

Поскольку славяне поляне, пришедшие под предводительством князя Кия из Иллирика в VI–VII ст. южным путем, и балтийская группа руси-славян, пришедшая под предводительством князя Олега в конце IX ст. с севера, появились на Днепре в разное время, при разных обстоятельствах и пришли на Поднепровье разными маршрутами, соответственно южным и северным<sup>8</sup>, то очевидно, что тогда, как первые использовали издавна известные в регионе греческие названия порогов, вторые употребляли сначала лишь новейшие славянские, воспринятые от словен-новгородцев. Когда же во второй половине IX ст. славяно-варяжская Русь, которая раньше господствовала лишь на юго-западе Балтики, переместилась на восток, сначала на Ладогу и в Новгород, а затем в Киев, то лишь здесь ею были переняты издавна употребляемые киевлянами греческие названия порогов, которые и были пересказаны Константину Багрянородному,

<sup>7</sup> Название Ἐλανδρί от гр. ἔλανδρος (ἐλεῖν, ἀνήρ), отмечено ещё в “Агамемноне” Эсхила, записанное информаторами Константина Багрянородного в фонетической ретранскрипции как Γελανδρί достаточно наглядно обнаруживает ситуацию неузнавания ими древнегреческих названий именно на слух. – См.: *Bailly A. Op. cit.*, с. 643. *Vasmer M. Op. cit.*, p. 100.

<sup>8</sup> Этот северный маршрут, очевидно, также был морским и скорее всего не мог совпадать с тем сухопутным, которым в 839 г. намеревались возвращаться “к себе” общеизвестные “свей” “Бертинских анналов”, представившиеся, согласно Пруденцию, посланцами народа Rhos при дворе ромейского, а потом германского (франкского) императора, однако были идентифицированы последним, как шведы (sueones), а потому и задержаны им по подозрению, что выдают себя за тех, кем на самом деле не являлись. См.: *Annales Bertiniani // MGHS. Hannover, 1826, т. 1, p. 434.*

как названия “по-росски”, то есть, как те названия порогов, которые использовались и киевскими росо-полями, и новоприбывшими с балтийского побережья русами-ругами, вместе составлявшими на Днестре во времена Константина Багрянородного единый, происходящий от нарентан Илирика (“нарци, еже суть словѣне”) славянский народ οὐ Ρῶς<sup>9</sup>. Вместе с тем, та значительная роль, которую играли в походах киево-росов на Константинополь связанные с полянским Киевом словены-новгородцы, обусловила дальнейшее параллельное использование наряду с киевскими названиями “по-росски” также и новгородских названий “по-словенски”, что и привело к недоразумению с объяснением истолкователями названий “по-росски” и “по-словенски” как взаимопереводных, хотя на самом деле это были названия, освоенные полянами-киевлянами и принятые словенями-новгородцами в разное время и при разных обстоятельствах.

<sup>9</sup> См.: “Повесть временных лет” / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. Пер. и коммент. Д.С. Лихачева. М. Л., 1950. Ч. 2, с. 210; Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века / Сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. Комментарий О.В. Творогова. На с. 421 сказано: «“нарци” (норики) – жители римской провинции Норик, расположенной по течению Дуная. Кем-то из древнерусских книжников они были отождествлены со славянами»; Толстой С.П. “Нарци” и “волхи” на Дунае. Из историко-географических комментариев к Нестору // СЭ, 1948, № 2, с. 8–38 (автор связывает нарцев с Нориком, хотя и признает, что это не находит подтверждения ни в античных, ни в византийских источниках (с. 12); Вилкул Т. Толковая Палея “Повесть временных лет”. Сюжет о “разделении язык” // Ruthenica, т. VI, с. 40, 56, 57, 76; прим. 18, 159, 161. Хотя и этот автор по традиции также связывает летописных “нарцев” с нориками – неславянским народом, “жившим в Альпах к югу от Дуная” (с. 18), сопоставление источников упомянутого сюжета показывает, что там, где в греческом тексте перечня народов у Ипполита Римского, в Пасхальной Хронике и у Георгия Амартола стоит Ἰλλυρίς, в ПВЛ читается “Илюриць словѣне”, а там, где у Ипполита и в Пасхальной Хронике стоит просто Νορικόι, в древнейшем списке ПВЛ читается “нарци” (Лавр.) и лишь в позднейших “норци” (Ипат., Акад., Хлебн.) с прибавлением “еже суть словѣне”. Из этих двух тождественностей “Илюриць словѣне” и “нарци словѣне” можно сделать вывод, что там, где упоминаются нарци, летописец имеет в виду именно славян Илирика и вероятнее всего – Далмации, а “нарци” Далмации – это “нарентане”, населявшие в VI–X ст. Наренту-Паганию в долине Неретвы (veteribus Naro). Идентификация “(н)арентан” в описании Константина Багрянородного и упоминания “нарци, еже суть словѣне” у Нестора/Сильвестра обосновывается в статье: Сырцова Е.Н. Апокриф об апостоле Андрее и концепция пути “изъ Варягъ въ Греки и изъ Грекъ по Днѣпру” как пути вокруг Европы (В печати).